Воровка чар. Маги, ведьмы, чернокнижники

Автор:
Аня Сокол

Воровка чар. Маги, ведьмы, чернокнижники

Аня Сокол

Воровка чар #1

Никто не знал, кто я и откуда взялась. Никто не знал, на что я способна. Никто не удивился, когда я однажды убила мага, украв его силу. И теперь никого не волнует, что «убитый» сидит напротив и грозится оторвать голову. Сподобилась на злодейство – надевай рубище и добро пожаловать на эшафот! Нет, господа чаровники, так не пойдет, сегодня я умирать отказываюсь. Завтра, впрочем, тоже. Слишком молода для этого. И упряма. Это все, что вам необходимо знать обо мне.

Аня Сокол

Воровка чар. Маги, ведьмы, чернокнижники

Глава 1

Приговор

Селяне толпились на берегу, перешептываясь в тревожном ожидании. Староста Верей сопел за спиной, сбивая меня с мысли. И не жалко ему тратить утро на подобную ерунду, забот-то, поди, хватает. Я посмотрела на водную гладь реки – сонное течение не вызывало привычного страха. Просто большое зеркало,

отраженные кроны деревьев, ясное небо, яркое солнце. Макушка лета, а настоящего тепла мы еще не видели. Хороший день. Для заговора подходящий. Хотя откуда мне знать?

– Не пересохнет, – оборвав невнятный шепот, я поднялась с коленей. На грубой ткани штанов остались зеленые разводы от примятой травы, в воде дрожало мое зыбкое отражение.

Люди неуверенно заулыбались. Не мне, друг другу. Староста кивнул, сдержанный он у нас. На «спасибо» я давно не рассчитывала, из села не выгоняют, и ладно. Пора уходить, пока, глядя на мое бледное лицо, люди не вспомнили, кто перед ними.

Я развернулась и даже успела сделать несколько шагов вверх по тропинке.

– Айка! – окликнул Верей.

Пришлось остановиться, чуть-чуть не успела уйти.

– Ты… это…того… – По лицу старосты пробежала тень, отразившая внутреннюю борьбу.

Нехорошее предчувствие холодком пробежало по спине. Что еще стряслось? Неужели догадались? Тогда обычным закидыванием камней не отделаюсь.

– Приходи вечером.

Я в изумлении подняла брови.

– На свадьбу приходи, дочь моя Ксана замуж выходит. Ты же знаешь.

Ксану я знала и про свадьбу тоже слышала. Хотя ясности это не внесло. Раньше меня не приглашали, и никого, при условии, что гуляло все село, это не смущало. Нас с бабушкой в первую очередь. Гадай теперь, с чего такая милость.

Люди всегда нас сторонились. А если быть честной, некоторые и вовсе шарахались. Бабушка Сима была местной знахаркой-травницей. Чего особенного

в том, чтобы собирать растения и применять их с пользой – в виде мазей, отваров и настоек? Много чего. Селяне за глаза именовали ее стригой[1 - Стрига – ведьма. – Здесь и далее примеч. авт.] и тайком бегали за любовными зельями, просили навести порчу или извести соперницу.

Но если бабку Симу терпели, понимая, что без травницы на селе никак, то мне зачастую плевали вслед. Лет двадцать назад в реке нашли кузовок со спящим младенцем. Его прибило к берегу недалеко от Солодков. Людской суд тут же постановил, что это не ребенок рода человеческого, а водяное отродье. Светлые волосы и глаза – самые что ни на есть верные признаки этого. Да еще и кузовок река принесла.

Ниже Ленея впадала в один из водоемов Озерного края, считавшегося вотчиной вордов[2 - Ворды – водяной народ.]. То, что течением никого не могло снести из тех озер по причине направленности реки туда, а не обратно, людей не смущало. Последним неопровержимым доказательством нечестивости ребенка оказалось то, что младенец не утонул. А должен был. Самое гнусное, что во время всего этого разговора отродье, то бишь я, как ни в чем не бывало продолжало спать. Приговор был вынесен и обжалованию не подлежал. Предать смерти, и никак иначе.

Переход от теории к практике дался людям нелегко. Палача в селе не держали, а временно исполнять обязанности заплечных дел мастера никто не соглашался. Какая-то сердобольная старушка предложила оставить «отродье» прямо здесь, на солнышке, авось без воды само сдохнет. Не могу не согласиться, так бы и случилось.

Тут-то и появилась бабушка Сима. На селе она была человеком новым, никто не знал, чего ждать от пришлой ведьмы. Бабушка прошла сквозь толпу и взяла ребенка на руки. Недовольный шепоток жителей пресекла одним словом:

– Прокляну.

Такой довод люди приняли сразу и отложили мою казнь на неопределенный срок, который так до сих пор и не наступил.

Мне у бабы Симы было хорошо, даже слишком. Осознание ценности дома пришло не сразу – после нескольких одиноких прогулок и безуспешных попыток

завести друзей. Первый же метко брошенный камень сбил меня с ног и уложил в постель на неделю.

Так я и росла, называя Симу бабушкой, помогая ей по хозяйству и обучаясь ремеслу. Жители со временем привыкли и при моем появлении уже не сотворяли отвращающие зло знаки. По крайней мере, не все.

В один из засушливых годов селяне заметили, что Ленея обмелела, и недолго думая впали в панику. Объявили, что речке конец, и селу, соответственно, тоже, а заодно и всем нам. Кому пришло в голову, что народ воды управляет реками, не знаю, а то бы отблагодарила. В итоге староста мялся на пороге нашего дома, произносил торжественную речь и пытался возложить почетную обязанность по спасению села на мои хрупкие плечи. Никто при этом не задался вопросом – а с чего бы мне их спасать?

Идею с заговором подала бабушка, дескать, все равно не отвяжутся. Поначалу я до ужаса боялась, что река и в самом деле пересохнет, обман раскроется и меня утопят. Ну не владею я искусством шептунов[3 - Шептун – колдун. Заговор шепчется над объектом, отсюда и возникло прозвище.].

Как показало время, сезонное обмеление вызвали естественные причины. С тех пор мои заговоры стали делом постоянным.

Домой я вернулась в задумчивости. Бабушка, стоя у стола, разливала по склянкам свежий отвар. Я принюхалась. Череда и староцвет, от кожного зуда. Это кого ж угораздило?

– Как все прошло? – не оборачиваясь, спросила она.

– Надеюсь, никуда эта речушка не денется.

– Я серьезно, – повернулась Сима.

– Я тоже. Староста на свадьбу дочери пригласил.

– Пойдешь?

– Не знаю. А ты? – Я подошла к столу и стала сдвигать банки с отваром.

– Меня не приглашали, – фыркнула Сима, совершенно не опечаленная таким положением дел. – Только тебя. Думаю, надо сходить.

Я молчала, подавая глиняные крышки. С одной стороны, чего я там забыла, а с другой – интересно, не каждый день можно безнаказанно мозолить людям глаза.

– Айя, – бабушка повернулась и стала вытирать натруженные руки фартуком, ее лицо раскраснелось от пара, идущего от котелка с отваром, несколько седых прядей выбились из-под платка, – они тебя не ненавидят. Опасаются, как всего необычного, а ты рада стараться. Хоть улыбайся иногда.

– Так? – Я старательно растянула рот. Сима обреченно махнула рукой. – Лучше пусть боятся, чем камнями закидывают.

– Не преувеличивай. Не собираешься же ты всю жизнь просидеть в наших Солодках у старухи под боком? – Она откинула крышку массивного сундука.

Тогда я не стала отвечать, потому что именно это и собиралась сделать. Если меня не любят в родном селе, то что же будет в чужих? Сразу на костер отправят? Хотя «не любят» – неправильное слово. Боятся, не доверяют. Я для них – словно укус комара на спине: и чешется, и рукой не достать. Девки задирали носы, матроны шептали молитвы, а парни… Парням было интересно, что у такой, как я, под юбкой.

Один раз меня отправили отнести мазь от ушибов кузнецу. Оного дома не оказалось, зато присутствовал здоровенный бритый детина, то бишь сын, который решил разнообразить свою и чужую жизнь, пригласив некрасивую девушку на свидание, а точнее, на сеновал. Сделал он это со всем доступным ему тактом, то есть попытался сгрести меня в охапку и доставить к месту назначения. Его намерения душевного отклика у меня не вызвали, в результате ухажер согнулся от подлого удара по выступающей части тела, что находится у парней ниже талии. Когда ушибленный наконец смог поднять голову, я, полная раскаяния, поставила рядом горшочек с мазью и посоветовала применять по назначению.

Но свадьба дочери старосты – другое дело… Представив, как начну слоняться от одного человека к другому, как улыбки будут застывать на лицах, как руки станут подниматься, выписывая отвращающие знаки, я скривилась. А бабка Сима уже достала из сундука сарафан, крепко пахнущий лавандой.

Эол[4 - Бог жизни в Тарии.] и все его сподвижники! Она ведь давно не воспринимает мое лицо таким, каким видят остальные. Так же и Ринка, по малолетству обварившая щеку кипятком, для маслобойщика и его жены всегда будет первой красавицей Солодков. К тем, кто рядом, мы всегда относимся по-другому, им мы прощаем все: от перевернутой кастрюли щей до нелепого внешнего вида.

– Схожу ненадолго, – выдавила я, глядя на одежку.

– Умница, – подала мне «обновку» бабушка и полезла за лаптями.

Красно-белый летний сарафан покупался для Симы как минимум пару десятилетий назад. Прошедшие годы не пошли вещичкам на пользу. Нет, выглядело все неплохо, ни дыр, ни потертых мест.

Я со вздохом стащила рубашку и натянула сарафан. Старые слежавшиеся вещи пахли пылью, сухой травой и напоминали о давно канувших в Лету днях. Тогда бабушка обладала пышными формами и миниатюрными ножками и за ней наверняка ухаживали мужчины. На мне наряд висел унылыми складками, а ноги в узких лаптях начали ныть.

– Ничего другого все равно нет, – поникла Сима. – Не в штанах же идти.

Она права, платьев у меня не водилось. Травы собирать да по лесу лазить в платьях не с руки. Свадьба – другое дело. Переплетая косу, я решила, что ничего не мешает мне тихонько посидеть в сторонке, не привлекая внимания.

Эх, как же я потом жалела о своем решении!

На свадьбу единственной дочери староста не поскупился. Столы, выставленные вдоль центральной улицы, ломились от еды, заборы увили цветами и лентами.

Часовня утопала в сирени и в украшениях не нуждалась. Люди толпились по обе стороны от двери, ожидая выхода молодых. Смирт[5 - Духовный сан.] закончил обряд, и пара явила счастливые лица народу.

На меня недоуменно косились, за спиной зазвучал угрожающий шепоток, едва не вынудивший покинуть праздник. Не то чтобы я их боялась, нет. Все они трусы, и дать отпор наглому увальню, задиристой девице, возмущенной тетке или пьяненькому мужику я могла. Даже ножом владела, плохо, правда, но для деревенских дурачков в самый раз. Толпа же – совсем другое дело. Собираясь у колодца, на посевную или на праздник, местные жители словно становились сильнее. Страх объединял людей, позволял черпать силы друг в друге, и тогда они могли напасть, просто так, без всякой причины.

Уловив напряжение, дядька Верей громко со мной поздоровался и прилюдно проводил к столу, показывая остальным – я гостья. Вряд ли он сделал это для меня – молодой знахарки, скорее ради дочери, ради того, чтобы не испортить торжества и ради той неведомой причины, которая заставила его меня пригласить.

Многие опустили глаза, но кто-то – нет. Взгляды были слишком красноречивы, слишком выразительны.

«Пусть сегодня ты своя, ты с нами. Но придет другой день, и все вернется – и страх, и ненависть, и камни, – предупреждали они. – Но не сегодня».

– За здравие молодых! – поднял первый тост Верей.

Отказаться было немыслимо. И я пригубила пахнущий яблоками сидр.

– За долгие лета! – За первой чаркой последовала вторая, потом третья.

Я прочла одобрение в одних, вторых, третьих глазах и улыбнулась. Четвертую уже поднимала сама. Тосты следовали один за другим. Я выдохнула, перестала напоминать чуткого зверька, готового сорваться в бегство при малейших признаках опасности.

– За приплод! – отличился кто-то из гостей.

Парни заржали, невеста залилась румянцем, а жених расправил плечи и окинул гостей петушиным взором, предлагая не сомневаться в его силах. Все кричали, смеялись, девчонки шептались, старики вытирали слезящиеся глаза. Народ стал наливать и выпивать уже без ненужных слов. Заиграла гармонь, начались танцы.

Голова кружилась, в ней поселилась какая-то бесшабашная легкость, по телу разливалось тепло. Люди сновали, кружились, смеялись, плакали, говорили. Захотелось совершить что-нибудь смелое и безумное, например, выскочить в круг танцующих. Я даже попыталась стащить стиснувшие ноги лапти. И именно тогда заметила его – такого же, как и я – лишнего и чужого на этом празднике.

Незнакомого парня лет семнадцати, что сидел за главным столом возле старосты. Он не танцевал, не заигрывал с девушками, не реагировал на выпады и подначки парней.

Кто это? Дальний родственник? Случайный путник? Потертая кожаная куртка, сбитые сапоги, отстраненный взгляд и пренебрежение в каждом жесте. Словно к нам на праздник занесло высокородного.

На моем лице, как и полагалось, его взгляд остановился. Я старательно улыбнулась. Он, смешавшись, отвернулся.

«Что, не нравлюсь? – мысленно спросила я. – Ну-ну, у меня опыт в людском презрении поболее будет».

– Вот, Рион, познакомься, наша гордость – Айка. – Подошедший староста так хлопнул парня по плечу, что тот едва не свалился с лавки. – Она ведьма, как и ты.

Интересно, дядька Верей перепил или спятил на радостях, что дочь с рук сбагрил?

Гость молчал, сомнения в здравомыслии старосты без труда читались на молодом лице.

– Ну, вы тут поболтайте о своем. – Мужчина многозначительно подмигнул и отошел, сочтя свой долг выполненным.

Так и правда речка высохнет.

– Приятно познакомиться, – процедил парень. Длинный, нескладный, узкие карие глаза, растрепанные черные волосы. – Где вы учились? – Вежливый вопрос, отстраненный и полный превосходства взгляд.

– Нигде, – продолжала я улыбаться.

Ответ ему не понравился. Конечно, он же правдив.

– А вы? – спросила я. – Где учились на ведьму?

Надо же, удалось задеть. Парень дернул подбородком и выпрямился, словно аршин проглотил.

– Я являлся лучшим учеником главного действительного мага Вышграда мэтра Дамира.

– Он умер? – поинтересовалась я.

– Почему? – округлил глаза лучший ученик.

– Ты же сказал «являлся».

– Я закончил обучение, – отрезал маг и отвернулся.

Умею я заводить друзей. И зачем, спрашивается, полезла? А затем, чтобы больше не подходил. Так проще и безопаснее.

Провозгласили очередной тост, я уже сбилась, какой по счету, да это казалось неважным. Мелькнула мысль о неправильности происходящего. Мелькнула и исчезла, утопленная в очередной порции вина. Слишком хорошо, слишком смело, слишком свободно я себя чувствовала.

Праздник близился к завершению. Молодожен, подхватив супругу на руки, скрылся в доме. Вслед понеслись одобрительные выкрики и смущенный девичий смех.

Улица погрузилась в серые сумерки, гости помаленьку стали расходиться, остались самые стойкие, а значит, и мне тоже пора. Вроде ненадолго собиралась. Я поднялась из-за стола. Черт, какая земля неустойчивая, так и плывет под ногами. Уйти, не попрощавшись, показалось невежливым. Было весело, да и запас вредности закончился. Рядом со старостой, как назло, стоял новоиспеченный маг. Как его там? Роун? Рион?

– Спасибо за праздник. До свидания.

– Айка, ты вот что, – нахмурился Верей. – Идти тебе далече, пусть Рион проводит.

Ага, значит, Рион.

Маг скривился от такой-то радости, но руку послушно подал.

– Не надо.

– Старших слушай, – раскраснелся дядька Верей, – парни выпивши, и ежели с тобой чего, не дай Эол, случится, Серафима мне голову открутит.

Я посмотрела туда, где слышались низкий гогот и сальные шуточки.

– Они столько не выпьют.

– Айка!

Я вздохнула, едва не завалилась на бок и ухватила парня под локоть. Земля сразу же перестала шалить и успокоилась. Иногда проще и быстрее уступить, чем ввязываться в спор.

Главная улица плавно спускалась к берегу. Наши размеренные шаги были едва слышны. В траве стрекотали разные насекомые. Крики и пьяные песни стали отдаляться.

Сейчас косые взгляды Риона казались не такими уж важными. Я чувствовала его старательно сдерживаемое раздражение и любопытство в чуть заметном подрагивании руки. Слышала в дыхании, когда он набирал воздух, собираясь силами, и когда шумно выдыхал. Невысказанные слова отступали, послушно ожидая своей минуты.

– Дядька Верей говорил, ты магией воды владеешь? – нарушил молчание парень.

Голос оставался нарочито отстраненным, но чувствовался в вопросе какой-то детский интерес. Я отметила, что Рион назвал нашего старосту дядькой. Его, конечно, полсела так называло, но вряд ли об этом знал приезжий маг. Настоящий племянник? Что я знаю о родне Верея? Ответ – ничего. Поэтому пусть будет племянник.

Вопросу я даже не удивилась – еще один на мою голову. В деревню приехал маг, и староста не упустил случая проверить водянку. Вот и причина внезапного гостеприимства. К дасу[6 - к демону.] все! Посмотрим, как они в следующий сезон запоют, когда вода снова отступит. Не всем же колдовать, надо кому-то и народ успокаивать, излечивать от собственных страхов. Что он может предъявить? Ничего. Денег мне не платят.

– Нет, – врать не было смысла.

– Как нет? А речку кто вспять поворачивал?

– Слушай, ты вроде ученый, можно течение изменить? – Я почувствовала злость. В основном на себя, надо было сразу отказаться от «колдовства», а не шептать над водой детские песенки.

– Замедлить или ускорить – да. Обратить – нет, тут действует закон о магическом воздействии на целостные природные объекты.

– Так чего придуриваешься?

– Я не придуриваюсь, но и не обманываю. Знаешь, что за магическое мошенничество полагается?

Мы снова замолчали, на этот раз тягостно, неловко. Я убрала руку, мне не хотелось касаться парня. Он ни в чем не виноват, но все равно не хотелось.

Наша деревня Солодки располагалась на соединении двух рек. Мелководная Рыховка впадала в полноводную Ленею. Бабушкин домик стоял особняком на другой стороне. Дощатый мост строили еще до моего рождения по старому образцу – бревенчатый, выгнутый, без перил. Пробегая туда-сюда по нескольку раз в день, я никогда не задумывалась о возможности падения.

От тесных лаптей болели ступни, терпеть неудобство в угоду приличиям глупо, тем более теперь. Я стянула один лапоть, встала на прохладное влажное дерево и облегченно выдохнула. Рион отвернулся, словно увидел не голые пятки, а по меньшей мере голые колени.

Потянулась за вторым, зацепила пальцами и… заскользила. Мир пришел в движение, мост зашатался, запрыгал перед глазами, звезды описали сияющий круг. Воздух толкнул в спину, предвещая короткий полет и падение. Страх молотом ударил в голову, оглушая, ослепляя, лишая воли.

Водянка, значит? Самое время рассмеяться. Кто-то боится мышей, кто-то домовых, кто-то сборщика налогов. А я больше всего на свете боюсь не тычков и летящих камней, больше всего я боюсь воды, даже плавать не умею.

Что там, под темно-зеленой толщей? Что появится, когда поднявшийся ил осядет и муть разойдется?

Лапоть упал в реку, издав легкое «плюх». Следом за лаптем упаду я, и звук будет посильнее. С губ сорвался стон. Я отчаянно взмахнула рукой, ожидая, что загребу лишь воздух, но… Не знаю, во что я вцепилась сведенными от страха пальцами, но послышались треск рвущейся ткани и хруст. Меня ударили в плечо и оттолкнули от края моста. Клацнув зубами, я упала на пахнущее влагой дерево.

Вот и все. Обычное дело – пьяная девка чуть не свалилась в речку. Знай я тогда, какие последствия это повлечет, прыгнула бы сама, не раздумывая.

– Ты…ты…

Рион побледнел, его зрачки сузились, по телу прошла дрожь.

Эол и сподвижники, у него что, падучая?

– Ты убила меня, – прошептал он и рухнул на мост.

Точно – падучая. Жалко-то как, молодой еще…

Я разжала кулак, на сырое дерево моста упал лоскут чужой рубашки с тесемками, который я оторвала, пытаясь удержаться от падения. Парню удалось невозможное – напугать меня еще больше.

– Рассказывайте, – приказала бабушка.

Мы втроем сидели за столом. Обычным, круглым, с потемневшей от времени столешницей и отпечатками от мисок, кувшинов, кружек. Недоброе предчувствие незримо повисло в комнате, я видела его везде – в глазах парня, в собственном молчании, в бабушкиной притворной бодрости. Это как проснуться и понять: что-то случилось. Нет никаких причин, но ты чувствуешь, знаешь – это близится.

После того как малолетний маг упал, я попыталась привести его в чувство. Все знания, годами вбивавшиеся в меня бабушкой, вылетели из головы. Традиционные методы – пощечины, сопровождаемые жуткими завываниями в моем исполнении, не помогали. Исчерпав запас ругательств, я, не переставая скулить, побежала домой. Что будет за мошенничество? Ха, а за смерть мага?

Из бессвязных объяснений бабушка поняла одно – я кого-то убила и зову ее с собой, должно быть, чтобы спрятать труп.

На мосту картина, к сожалению, не изменилась. Рион лежал безмолвный и неподвижный.

– Жив он, – осмотрев мага, обрадовала бабушка.

– А чего ж тогда?..

– В обмороке. Помоги-ка.

Совместными усилиями мы дотащили парня до избушки. Сима сунула под нос несостоявшемуся покойнику склянку с листоцветом, маг не замедлил подать признаки жизни, поморщился и отполз подальше.

Теперь Рион, приведенный в более или менее вертикально-разумное состояние, с тоскливым видом смотрел себе под ноги. Где тот парень с равнодушно-презрительным взглядом? Где высокомерный маг? Сейчас он напоминал маленького мальчика, потерявшего любимую и дорогую сердцу игрушку, того и гляди заплачет.

– Она сломала мой камень силы, – не поднимая головы, пожаловался парень.

– Этот? – Бабушка выложила на стол лоскут рубашки, обрывок веревки и камушки. Удлиненный четырехгранник темно-синего цвета оказался расколот посередине, к одному из осколков крепилось железное кольцо, сквозь которое была продета веревочка. Парень носил его на шее как нечто самое дорогое.

Маг кивнул.

– Как тебя угораздило? – повернулась ко мне бабушка.

«Откуда я знаю! – хотелось ответить мне. – Я всего лишь ухватилась за парня, чтобы не упасть».

Эол, откуда эта тошнота, то и дело подкатывающая к горлу, словно съела что-то несвежее? Что я сделала на самом деле? Слова сами сорвались с губ. Я говорила быстро, уверенно, убежденно, стараясь заглушить нарастающую панику:

– Дорогая побрякушка? Так можно склеить или, на худой конец, новую заказать. Чего людей пугать?

Рион стал бережно заворачивать кристаллы в лоскут. Остатки хмеля еще не выветрились, и меня охватило чувство нереальности происходящего. Сейчас открою глаза и окажусь в постели, в худшем случае – в канаве. От его осторожных ласковых движений становилось не по себе. Так обращаются с

хрупкой яичной скорлупой. Парень боялся лишний раз дыхнуть на осколки.

Бабушка погладила меня по руке, встала и, не глядя на парня, спросила:

– Ты не прошел посвящение?

– Нет.

Я уже открыла рот, чтобы спросить, но Сима, покачав головой, пояснила:

– Заканчивая обучение, маг изготавливает амулет. Его наполняют магической энергией. В процессе посвящения силы перетекают от амулета к его владельцу, и с этого момента маг считается «действительным». Ты, Айка, сломала амулет, высвободила энергию до срока.

Я изо всех сил боролась с желанием зажать уши. Не слышать, не знать. Иначе придется что-то делать, что-то решать, что-то исправлять.

– Как я учителю на глаза покажусь?

– Объяснишь все, а потом новый камушек сделаешь, – резко, даже грубо, ответила я.

Детская беспомощность парня вызывала негодование. Кто из нас чаровник?

– Не могу. Камни силы никогда не ломаются.

– Плохо старались.

– Айка, прекрати, – одернула меня бабушка.

– В том-то и дело, что хорошо. Знаешь, сколько охотников за чужими силами? Амулет связан с жизнью носителя. Сломать камень и поглотить силу мага можно только после смерти, и отнюдь не от старости.

– Напоминаю, ты жив!

– Это и есть главная проблема. Маг остается живым в случае добровольной передачи силы. Я ничего подобного не делал. Учитель может отказаться от меня. – Рион чуть не плакал.

Он обхватил голову руками и стал покачиваться из стороны в сторону. Бабушка достала еще одну бутылочку, посмотрела на мага, вздохнула, перевернула мою ладонь и капнула на кожу. Мне и в голову не пришло сопротивляться. В другое время я задала бы ей тысячу вопросов, мешала и говорила бы под руку. Сейчас же просто наблюдала. Что это? Успокоительное? Снотворное? Яд? Эол, какой яд, это же бабушка!

Жгучая боль, как от раскаленной иглы, прострелила руку до самого плеча, в глазах на миг потемнело. Жидкость покраснела, будто на коже выступила кровь, вскипела и с шипением стала испаряться.

«Проявитель» – подсказала внезапно проснувшаяся память. Треть чабреца, треть пастушьей сумки и треть сока клевера. Настаивать ночь при полной луне, закрыть черной тканью и хранить месяц. Используется для проявления наложенных заклятий. Травница должна знать, болен человек или наведена порча.

– Айка, на тебе печать, – севшим голосом сказала бабушка.

– Ага, – кивнула я, бережно баюкая ноющую руку.

– Убивший чаровника и забравший его силу будет заклеймен печатью смерти. – Рион говорил, не поднимая головы, отчего голос казался глухим, словно доносился сквозь перегородку или сквозь крышку. – Долг каждого мага нести возмездие и карать отмеченных, не зная пощады и жалости. Тебе будут мстить за мою гибель.

Дошло до меня не сразу, ослепленный болью мозг сначала отказывался понимать эту фразу, а потом каждое слово словно загорелось. Печать смерти. Знак обреченных на казнь. Нет, не так, не обреченных, а осужденных на казнь за преступление против мага.

– То есть, – вставая, проговорила я, – можно тебя сейчас пристукнуть, и хуже все равно не будет?

– Лучше тебя. Чего ждать? – Рион вскочил. – Хоть похоронят по-людски.

– Тихо, – прервала нашу душевную беседу бабушка. – Печать можно снять, магическую силу вернуть. Но для этого нужен действительный маг.

Да? А где его взять? В наших-то Солодках? Один уже приехал на свою голову. Я почувствовала, как беспокойство, терзавшее меня, облекается во что-то определенное. Неужели придется…

– Надо ехать в Вышград, – подвела итог Сима и, отводя глаза, добавила: – В ноги к его учителю падать.

Я открыла рот и благополучно закрыла. Смешно. Мысли вылетели из головы, все до единой. Сознание затопила жалость. Сочувствие к себе, такой непутевой. Еще немного, и я разревелась бы пьяными, стыдными, никому не нужными слезами.

Бабушка с магом о чем-то говорили, что-то обсуждали, даже спорили. В основном о том, где Рион проведет эту ночь. Конечно, пусть остается, время позднее, мало ли что может приключиться. По-моему, все, что могло, уже приключилось. Если ученичка кто-то и пристукнет ненароком, отвечать все равно мне.

Я стиснула кулаки. Надо сесть, надо подумать – основательно, неторопливо. Нужно время, нужно прийти в себя, и все будет в порядке. Решение должно найтись. Оно всегда есть, просто сейчас я его не вижу.

Я ушла в спальню, стащила сарафан и бросила в угол. Утром. Все утром.

Глава 2

Приключения на одно место

Сборы прошли как в тумане. Тихие шаги, шорох, осторожные движения и шепот, будто в доме покойник или тяжело больной.

Вышград – столица Тарии, стоит на берегу Рыховки, ниже по течению, в двух соварах[7 - Совар – единица измерения. 1 совар = 10 девар = 100 вар; 1 вар примерно 1000 шагов.], в трех днях пути на юго-восток. Всего три дня, тысячи и тысячи шагов. Целый новый мир для меня.

Как сквозь сон я слышала, что Верей продает нам Ксанкины сапоги и лошадь. Из сапог дочка благополучно выросла, а кляча все равно старая и со дня на день должна сдохнуть. Так и сторговались на две настойки от запора и корешок мужской силы. Зачем мужская сила вдовому Верею, Сима не уточняла, просто отдала требуемое. Надо было клич по деревне кинуть, люди бы на радостях, что от меня избавятся, такого насобирали, что ни одна лошадь не в силах увезти.

Наблюдая за приготовлениями, я ходила по избе, то и дело натыкаясь на предметы мебели, косяки, Симу и Риона. Почему не протестовала? Не кричала? Не топала ногами?

У меня, в отличие от парня, имелся выбор. В Солодки магов, тем более действительных, калачом не заманишь. За те годы, что я себя помню, ни одного не видела. Шансы счастливо прожить здесь жизнь, даже с этой идиотской печатью, были высоки. Пусть парень своего учителя сюда везет, а я подожду.

Так почему я решила ехать? Какое чувство пробивалось сквозь обиду на судьбу? Что я так старательно прятала от самой себя? Предвкушение? Любопытство? Я объездила все окрестные села, но не видела в них особых отличий от наших Солодков.

Какой он – город Вышград? Такой, как в сказках, что рассказывала мне в детстве бабушка? Украшенные лентами дома? Мыслимые и немыслимые сладости на лотках не только по праздникам, а всегда? Мягкие ковры под ногами? Молочные реки и кисельные берега? На каждом шагу – принцы и рыцари, только и мечтающие спасти попавшую в беду даму?

Сомневаюсь. В жизни, в отличие от сказки, я вряд ли выйду замуж за принца, я вообще его вряд ли встречу. Да и замуж вряд ли выйду.

Три дня туда, столько же обратно. Одним глазком увидеть, запомнить и вернуться. Семидневка, не больше.

«А бабушка? Почему бы ей не поехать с нами? Почему собрана только моя сумка? Почему…» – подумала я и испугалась.

Если нелегкая все же сведет меня с настоящим магом и тот решит привести приговор в исполнение, разве Сима сможет остаться в стороне? Быть причиной гибели бабушки мне решительно не хотелось, как и смотреть на ее смерть.

Эол, о чем я думаю! Кого уговариваю? Чего боюсь? Того, чем может обернуться любопытство? Давеча уже сходила на свадьбу. Или я боюсь собственного желания уехать? Я не знала ответа. И это пугало даже больше невидимой и неосязаемой печати.

– Присядем на дорожку, – сказала Сима.

Я обвела комнату диким взглядом. Уже все? Два кулька и сумка были свалены у порога, одетый по-дорожному Рион сидел на лавке и разглядывал свои ноги, точно никогда раньше их не видел.

– Айя, – проговорила Сима тихо, – выбора нет. Ты должна отдать силу, а Рион позаботится, чтобы ты дожила до этого момента. Верно? – Бабушка повернулась к парню, тот, не поднимая головы, кивнул. – Потому как, если не уследит, получится, что силу ему брать неоткуда. Был маг, да весь вышел.

– Все это не может быть правдой, – пробормотала я, вспоминая себя вчерашнюю, ту девушку, что спокойно бормотала рецепты успокоительного снадобья над рекой, маскируя их под заговоры.

– Айя, – повторила бабушка и протянула мне маленький холщовый мешочек.

Мне не надо было заглядывать внутрь, я и так знала, что там. Одиннадцать медных черней и два серебряных дина – все, что удалось скопить за годы работы травницей в Солодках. Крестьяне редко расплачиваются монетами, предпочитают натуру: муку, хлеб, яйца, масло. И именно в этот момент я поняла, что ехать придется. Убедил меня мешочек с монетами, а не слова и не сумки у

двери.

Стряхнув оцепенение, я посмотрела Симе в глаза. Сколько там любви, сколько мольбы и тревоги. Эол, да бабушка напугана даже больше меня! Сима вложила кошель мне в ладонь и, притянув меня к себе, зашептала на ухо:

– А норов свой спрячь, поняла? Иначе однажды проснешься без головы, люди не везде такие добрые, как здесь.

– Добрые? – прохрипела я.

– Да, Айя, но пока ты этого не понимаешь, может, потом… – Она торопливо отстранилась, чтобы я не увидела слез в ее глазах.

Провожать нас бабушка не пошла. То ли меня, то ли себя пожалела. Я в последний раз оглянулась на одиноко стоящую избушку, удаляющуюся с каждым шагом.

Вернусь ли? Смогу ли?

Верхний, или Новый тракт, тянется почти через всю страну от Велижа на севере до Вышграда на юге. По нему возят рыбу с северных озер, древесину из Багряного леса, зерно с западных полей, вино и ткани с южных окраин и еще много всего, так сразу не вспомнить. Раньше главным торговым путем был Нижний тракт, сейчас его еще называют Старым. Он огибает Тарию с востока вблизи вирийской границы. Но однажды у монархов случились какие-то разногласия. Вирийский князь ни с того ни с сего взял штурмом Пограничный гарнизон. Впоследствии нашим войскам удалось отбить крепость. Поговаривали, что начнется война, купцы искали другие дороги и поднимали цены. Многострадальная крепость несколько раз переходила от нас к врагу и обратно. Неизвестно, сколько бы еще правители развлекались подобным образом, но министры напомнили им о долге перед народом. Решено было проложить еще одну дорогу на западе. Торговля возобновилась, хотя цены не упали, как и налоги, повышенные в период строительства. В конце концов вирийский князь махнул рукой на упрямую крепость, и с так и не начавшейся войной было покончено. Правда, люди, напуганные затаившейся угрозой, все равно предпочитали Новый тракт Старому.

Торопясь поскорей попасть к учителю, Рион наращивал темп. Деревенская кляча едва поспевала за его жеребцом. До этого мне случалось ездить верхом не более десятка раз. Я болталась в седле, как куль с мукой, чувствуя, что могу свалиться в любой момент, но никакие силы не заставят меня сказать об этом парню.

Остановок не делали. Маг ел прямо на ходу, чуть придерживая жеребца, чтобы прожевать сыр и не разлить воду из фляги. До темноты успели преодолеть значительное расстояние. На ночлег устроились на опушке леса, сойдя с дороги на десяток вар.

С лошади, как и обещала, я свалилась. Спина и то, что ниже, ныли. Сил для притворства не осталось. Махнув рукой на недовольного мага, с наслаждением растянулась на траве, предоставив ему, как настоящему мужчине, право обустроить лагерь: собрать на опушке хворост для костра, выложить спальные места лапником, нарезанным в лесу, принести воды.

Надо сказать, Рион справился без единой жалобы, что непостижимым образом заставило меня ощутить собственную никчемность. Ну, какого дасу мне надо? Встала бы и помогала. Так нет, лежу, кусаю губы, злюсь неведомо на кого.

Ужинали в полном молчании. Если так пойдет дальше, мы и десятка слов друг другу не скажем. Может, оно и к лучшему, но настроение от такой перспективы испортилось окончательно.

Лучше бы я в реку грохнулась и спала сейчас в своей постели. А вместо этого ворочалась на жестком лапнике под открытым небом и игнорировала взгляды парня. Как бы он ни пытался скрыть любопытство, я чувствовала его затылком.

Прошлую ночь маг провел под нашей крышей и не осмелился сунуть нос в спальню, а теперь восполнял недостаток сведений о водянках.

Да, знаю, как выгляжу в темноте. Еще хуже, чем при свете. «Хватит уже!» – мысленно рыкнула я. И Рион словно услышал. Странно крякнул и наконец отвернулся. Через несколько минут дыхание парня стало ровным.

А вот мне не спалось. Снимем мы печать, вернее, учитель снимет, но это полдела. Еще ведь и силу возвращать надо. Проблема в том, что никакой силы я

в себе не чувствовала, поэтому сильно сомневалась в ее наличии. Станет весело, если вернуть я ничего не смогу.

Лето было в разгаре, но прохладное туманное утро об этом словно бы не догадывалось. Стуча зубами, ежась от холода и поглубже натягивая капюшон куртки, я попыталась встать. Вот именно, попыталась. Как все болит! Это лошадь на мне вчера ехала, а не я на ней. Издав стон, упала на землю и потянулась к сумке: где-то там была мазь от боли в мышцах.

Парень проснулся в самый неподходящий момент – я поймала его напряженный взгляд, когда, тихо ругаясь, пыталась намазать себе поясницу. И то, что ниже.

– Чего уставился? – невежливо пробурчала я.

– Ничего, – буркнул он и разворошил почти погасшие угли костра.

Я натянула штаны и невесть от чего покраснела. Лучше боль, чем тот первый взгляд, которым меня наградил спутник, проснувшись.

– Нам в седлах еще пару дней трястись, – сообщил Рион и принялся собирать вещи. – Ты сможешь или…

Он еще не договорил, а я уже рявкнула:

– Да.

Рион с мученическим видом вздохнул и отправился собирать вещи.

Второй день прошел не лучше первого. Натертая кожа горела. Риона еще больше хотелось убить. И вообще, мир совсем не радовал.

Одно хорошо, больше парень гнать лошадей не решался, с тревогой оглядывался через каждый десяток вар. А я улыбалась, стараясь не показать, насколько мне больно сидеть в седле, и только сильнее стискивала в руках поводья. Не знаю, что сломало лед, мои страдания или слова бабушки, что без меня парню не видать силы, как собственных ушей, но теперь молчание не было

абсолютным. Рион иногда обращался ко мне, один раз даже назвал по имени. Как не порадоваться.

Дорога поражала однообразием. И чего привлекательного находят в путешествиях? Встречающиеся изредка путники настороженно на меня косились. Но и только. В этих взглядах не чувствовалось злости, только любопытство, иногда озабоченность. К вечеру на горизонте показалась деревушка, первая за все время.

– Заночуем с удобствами? – спросил Рион и, не дожидаясь ответа, направил коня к указательному столбу.

– Платить не буду, – сказала я и поморщилась: прозвучало сварливо. – Если что, могу и на лапнике за околицей устроиться. – Спутник даже не обернулся.
И тогда я задала вопрос, который волновал меня намного больше, чем деньги: – Магов там нет?

– Тут не предскажешь, маг может ждать нас и там. – Рион указал на деревушку впереди. – И там, – кивнул на уходящий к востоку тракт. – Но пока нам везло.

– Все маги способны увидеть печать? И ты? – воспользовалась я разговорчивостью парня.

– Действительные – да, а всякие ведьмы и колдуны не в счет, чаще всего они пустышки. Я не прошел посвящение, к тому же без силы, – вздохнул Рион. – Так что я тоже не могу.

– Хотьки, – прочитала я надпись на указательном столбе, чем немало удивила Риона.

Да, я умею читать. И писать тоже. Бабушка научила: рецепты снадобий надлежало записывать, иначе никакой головы не хватит.

Рион дернул плечом, но вопросов задавать не стал, тронул коня и въехал в деревушку. На первый взгляд, она мало чем отличалась от Солодков. Деревянные домики, огороды, в которых квохтали куры, в сараях мычала скотина, на распорках сушились рыболовные сети. Чтобы такое увидеть, можно

было никуда не уезжать.

Первой в деревне мы увидели древнюю бабку с хворостиной и безрогую козу, лениво жевавшую траву у дороги. Старуха заметила скрюченную в седле меня и поводила рукой из стороны в сторону в отвращающем жесте. Коза укоризненно затрясла бородой.

– Скажите, почтенная, – обратился к женщине маг, – постоялый двор здесь имеется?

К нему вернулось презрение столичного жителя, правда, теперь оно казалось наигранным и мальчишеским, как плохо подобранная по размерам маска.

Сколько ему на самом деле? Шестнадцать? Семнадцать? Двадцать, как мне? Вряд ли. Хотя кто их, чаровников, разберет. Говорят, есть и такие, что в сто лет смотрятся юношами. Врут, поди. А этому… Пусть будет семнадцать. И то с натяжкой.

– А як ше, – пошамкала старая карга губами. – Ехайте прямо, у колодша направо и шрашу ишба ш белыми штавнями. Он и ешть. Петриша там ша хошяина.

– Благодарю, – кивнул маг и поехал в указанную сторону.

Я старалась не отставать больше, чем на полкорпуса. Недобрый взгляд старухи уперся в спину. Тревога, для которой не было причин, коснулась холодными пальцами моего затылка. Отвращающий жест бабки не в счет, для меня это сродни рукопожатию. Я скорее удивлюсь объятиям и радушной улыбке, а уж хлеб с солью повергнет меня в панику.

Улица расширилась, образовала круглый пятачок, там у колодца топтались женщины с коромыслами и ведрами. Судя по сваленным в стороне кадушкам и обездвиженной лебедке, пришли они не за водой. Или не только за водой. Тетки в цветастых передниках замолчали и уставились на нас. Вернее, на меня. Через несколько минут распоследний увалень в этих Хотьках будет знать, кто объявился в деревне. А сопровождающий меня парень словно не замечал взглядов, не слышал шепотков, не видел посланных вслед плевков.

Постоялым двором оказался двухэтажный бревенчатый домик со свежеокрашенными ставнями, чистыми стеклами и гостеприимно распахнутой дверью. Стоило нам войти, как хозяин, видимо, тот самый Петриша или Петриш, вынырнул из-за стойки.

– Чего желаете? – При взгляде на меня ни один мускул не дрогнул на потемневшем и загрубевшем лице мужчины.

– Комнаты, ванну и горячий ужин, – перечислил Рион, выкладывая на стол серебряный дин[8 - Серебряная монета.]. – Лошадей в стойло, задать корма.

Хозяин кивнул, монета тут же исчезла.

– Лиска! – рыкнул он вглубь помещения.

Тотчас выскочила молодая рыжая девица и уставилась на Риона так, словно увидела одного из сподвижников Эола, а потом зазывно улыбнулась. Даже слишком зазывно. У мага покраснели уши. Я вернула девушке улыбку. Каюсь, переусердствовала. Далее все развивалось в лучших традициях. Лиска сделала круглые глаза, помахала перед собой рукой – чур меня, чур! – плюнула на пол для отгона нечисти и, наконец, ущипнула себя, чтобы проснуться.

– Лиска! – Повторный рык хозяина заставил ее подпрыгнуть. – Крайние комнаты.

Девушка заторопилась и, часто оглядываясь, чем порядком нервировала мага, поднялась по лестнице. Ткнула пальцем в двери и убежала, с приглушенным писком протиснувшись мимо меня в коридоре. Не удивлюсь, если сегодня под дверь будет насыпана соль.

Комнату я оглядела с любопытством. Бывать на постоялых дворах мне приходилось и раньше, когда бабку звали к перепившим купцам и их хлипким сыновьям, а один раз даже пришлось принимать роды у дородной матроны с тюками, полными лисьих шкур. Но никогда мне не доводилось быть гостьей, да еще и получить в свое распоряжение целую комнату. Для меня одной! Может, и не все россказни мага окажутся вымыслом?

Кровать, низкий столик, пара табуретов, зеркало на стене и скамья у стены. Чистенько, пахнет цветами. Почти сразу двое мужчин принесли деревянную лохань высотой по пояс и несколько ведер горячей воды. Работники, хоть и поглядывали с любопытством, вели себя спокойно. Мужики же, визжать вроде не по чину. Хотя взять того же сына мельника из Солодков – здоровый детина, а как голосил, когда я впервые пришла за мукой! Словно перебравший настойки певец в церковном хоре. Орал и тыкал пальцем. Я грешным делом подпрыгнула и обернулась, ожидая увидеть за спиной демона или заблудшую душу.

Работники вышли, я опустила пальцы в кадку, ощутила мягкое тепло. Вода в бочке или корыте никогда меня не пугала: в отличие от реки или колодца, она не таила в себе ни глубины, ни неизвестности. Средство, чтобы смыть грязь, не более. Прозрачное, неопасное, неживое.

Странное это ощущение, когда кто-то что-то делает для тебя, например, греет воду, будто высокородной маис[9 - Уважительное обращение к незамужней девушке в Тарии.]. Приятное, но непонятное.

Стук в дверь раздался, когда я уже оделась и собиралась спускаться ужинать.

– Я тебе поесть принес.

– Не стоило, – пропуская мага в комнату, ответила ему. – Сама в состоянии.

– Слушай. – Парень вздохнул, словно говорить со мной ему не нравилось, вернее, ему не нравилась я, но он сделал над собой усилие. – Лучше тебе не выходить. Девица, что помогает Петришу, и так не в себе, истерику устроила. Ужин пришлось самому нести. – Рион поставил поднос на сундук и, прежде чем выйти, торопливо попросил: – Айка, не обижайся, ладно?

Надо же, а ведь он почти извинился. А я почти поверила. И не обиделась. Опять же почти.

Дверь за магом захлопнулась, оградив меня от внешнего мира, на который хотелось посмотреть. Неужели так и будет все путешествие?

Ковыряясь в тарелке, я уговаривала себя не злиться. В том, что парень не хочет проблем, он прав. Я тоже не хочу, но меня, как обычно, не спрашивают.

Я знала, как выгляжу. Давно к этому привыкла. Все как у всех: голова, два уха, два глаза, рот, нос точно по центру. Ни рогов, ни клыков, ни прочей пакости. Вот только черты лица поражали своей чуждостью и уродливостью: слишком широко расставленные глаза, резко очерченные скулы, нос с горбинкой, рот, за который Ксанка дразнила меня лягушкой.

Хмурая девица с белой, в серебро, косой, бледная кожа, к которой никогда не прилипал загар, светло-серые водянистые глаза. И острые, словно напильником заточенные, клыки. Нет, они не выступали, как на старых гобеленах Симы, изображавших вампиров, иначе меня сразу утопили бы. Мои зубы отличались от человеческих всего чуть-чуть, но это было очень весомое «чуть-чуть». Они были белые, хотя я ни разу не прикладывала к ним содовый раствор, как Ксана.
В Солодках девчонки к двадцати годам имели пару детей и пару щелей в желтых зубах. Мои оставались такими же белыми, правда, на количестве детей это никак не сказалось. Клыки – чуть более острые, чем принято. Будь они нормального цвета, на это не обратили бы внимания. Но нормального цвета не было. Я вся была «не того цвета» среди смуглых, черноглазых, крепко сбитых селян. Одну странность мне простили бы, но все вместе взятое – не могли.

Я выглядела как маленькая, щупленькая девчонка лет семнадцати, хотя по нашим с бабушкой подсчетам мне около двадцати. Даже если я водянка, чего бояться-то? Тот же кузнец мог свернуть мне шею одним движением.

Вот что было во мне такого, что заставляло того же мельника орать дурниной?

Этот вопрос занимал меня давно. Последняя война с вордами, в простречии – народом воды – закончилась столетие назад. Да и не было ее как таковой. Тогдашний король Истар решил присоединить к Тарии Озерный край. Войско без всякого дела простояло на границе несколько дней, так как с противником вышла незадача. Вооруженные до зубов вояки тщетно искали хоть кого-то по озерам и болотам. Натыкающиеся друг на друга отряды не сразу поняли, что ходят по кругу. Вернуться обратно тоже не получалось. По воле странного колдовства основная часть войска кружила на месте. Какой морок на местность или на людей навели жители Озерного края, до сих пор неизвестно. Отрезав Истара от основных сил, ворды отправили к людям посланников, которые разъяснили монарху истинное положение дел и посоветовали отправляться

домой. Разгневанный король приказал всех повесить. Что на самом деле произошло дальше, не знает никто. Из всех присутствовавших на переговорах выжил лишь монарх. Он свернул остатки лагеря и покинул негостеприимный край.

Многое и в то время было неясно, а спустя годы обросло слухами и легендами. Те люди, которые в конце концов смогли выбраться с территории вордов, рассказывали жуткие истории о водянках, об их физической силе, об уродливых телах, белой, как брюхо рыбины, коже, острых зубах и страшной магии… С тех пор Озерный край считался запретным.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Стрига – ведьма. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Ворды – водяной народ.

3

Шептун – колдун. Заговор шепчется над объектом, отсюда и возникло прозвище.

4

Бог жизни в Тарии.

5

Духовный сан.

6

к демону.

7

Совар – единица измерения. 1 совар = 10 девар = 100 вар; 1 вар примерно 1000 шагов.

8

Серебряная монета.

9

Уважительное обращение к незамужней девушке в Тарии.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sokol_anya/vorovka-char-magi-ved-my-chernoknizhniki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить